

КОЛЫМСКИЙ
СТУДЕНТ
МАГАДАНСКИЙ
СТУДЕНТ

Магаданский пединститут
в 1962–66 и 1984–85 годах

Евгений Евгеньевич Крашенинников
Кольимский студент.
Магаданский студент.
Магаданский пединститут
в 1962—66 и 1984—85 годах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48448795
ISBN 9785005064363

Аннотация

Бывшие студенты Магаданского педагогического института вспоминают перипетии студенческой жизни 60-х и 80-х, сокурсников и преподавателей, весёлое и драматическое. Для всех любителей альтернативной истории. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

КОЛЫМСКИЙ СТУДЕНТ	5
1. Город и море	7
2. Общежитие	8
3. Раньше и теперь	12
4. Новая среда	14
5. Вступительные	15
6. Из шкафа	17
7. У окна	18
8. Самовоспитание	20
9. На картошку	21
10. В поле и у воды	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

**Колымский студент.
Магаданский студент
Магаданский пединститут
в 1962—66 и 1984—85 годах**

Редактор Евгений Евгеньевич Крашенинников

ISBN 978-5-0050-6436-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

КОЛЫМСКИЙ СТУДЕНТ

*Воспоминания
выпускника второго выпуска
Магаданского государственного педагогического
института (МГПИ),
учившегося в 1962-66-м годах,
бывшего ранее
помощником комбайнёра в Адыгее,
навалоотбойщиком в шахте «Западная-
Капитальная» города Новошахтинска Ростовской
области,
охранником вагонов с нарзаном на железной дороге
«Минеральные Воды – Салават»,*

*промывальщиком приисковой разведки прииска
«Большевик»,*

*бульдозеристом и взрывником в первой
старательской артели на Колыме,*

а позже

*учителем истории, обществоведения и основ
семейной жизни в школах №13 и №1 города Магадана,*

старшим учителем

и отличником народного просвещения

1. Город и море

В один из июньских полудней 1962-го года я вышел из рейсового автобуса дальнего следования у Магаданского автовокзала.

Выезжая из Сусумана, я был предусмотрительно подготовлен к своему первому путешествию по улицам Магадана, которые должны привести меня к зданию пединститута.

Прямо от меня, вверх на подъём, уходила прямая, чистая и красивая улица Ленина – главная улица города. Проложенная как будто по линейке, она была видна сразу вся: от автовокзала до небольшой площадки в конце крутого подъёма. Там она упиралась в телевизионную вышку, там было её начало. Площадь эта находилась высоко над уровнем моря, и по ней всегда гуляли ветерки, что дало право называть её площадью «На семи ветрах».

Я ступил на тротуар, выложенный шестигранными плитами, и, не спеша, держа в руке небольшой и лёгкий чемоданчик, пошёл вверх по направлению к телевышке. Вдоль тротуара тянулась низкая чугунная ограда, за которой стояли небольшие деревца. Справа и слева – дома красивой архитектуры. Узнаю по рассказам на своём пути ресторан «Магадан», гостиницу, кафе, книжный магазин.

На втором перекрёстке вижу слева большую площадь, украшенную цветочными клумбами, а за ней – гастроном,

кинотеатр, Дом пионеров и центральный вход в городской парк. Вот то место, где мне надо сделать поворот направо и ступить на улицу Портовая.

Неужели сейчас я увижу море?

На своём лице я уловил тугой и напористый ветерок.

Он нёс незнакомые, волнующие запахи соли и йода, холодящую свежесть и ещё что-то неизъяснимо мажорное, отчего всё моё тело напряглось, плечи сдвинулись вперёд, шаги сделались твёрже, а взгляд острее.

Море я увидел раньше, чем здание пединститута.

Увидел с большой высоты.

Увидел его всё, до самого горизонта – спокойное и величавое.

Портовая улица уходила дальше к самым его берегам, а мне нужно было остаться здесь. Я уже увидел два рядом стоящие дома. Один из них учебный корпус МГПИ, другой – общежитие с библиотекой. Мне туда. Первая экскурсия по городу закончена.

Хорошо бы поселиться в общежитии так, чтобы видеть из окна море! Как повезёт.

2. Общежитие

В холле общежития было тихо и пусто. Лишь техничка мыла полы. Увидев меня, она разогнула спину, бросила мокрую тряпку в ведро, вытерла о фартук руки и пошла, улыба-

ьясь, мне навстречу.

– С чемоданом, значит к нам. Угадала? Доброе, я смотрю, пополнение у нас. Побольше бы таких хлопцев, побольше!

Молодая, лет тридцати, в возрасте старшей сестры, она после нескольких заинтересованных фраз уже казалась давно знакомым тебе человеком. Она поступила на работу в институт с первого дня его существования и была оформлена сразу на две ставки: вахтёра и технички. Работа её давала возможность видеть всех входящих в здание и выходящих из него, знать в лицо и по именам всех жильцов студенческого общежития. Наделённая особыми качествами характера, она не могла сидеть «кукушкой» за стеклянной витриной своей вахты и постоянно шла на доверительные контакты со всеми, вникала в студенческие нужды, помогала, где и чем могла, иногда журила и сетовала, умела сострадать и пожалеть того, кто в этом нуждался. В неспешных разговорах она всегда клала свою левую руку на плечо собеседнику, склоняла слегка голову набок и смотрела прямо в глаза, мягко улыбаясь.

Все жильцы общежития обращались к ней исключительно по имени. Все звали её Наташей: и молодые студенты, и преподаватели, и её непосредственное начальство.

И совсем неудивительно, что судьба Наташи сложится так необычно. Пройдут года. Минует четыре десятилетия. В институтских корпусах сменится несколько десятков дежурных и техничек. Рядом со старыми зданиями будет постро-

ен новый учебный корпус. Станут пенсионерами, отработав в школах города и области положенный срок, выпускники 60-х годов.

Но в холле на первом этаже будет по-прежнему звучать:

– Здравствуй, Наташа!

...

– Здравствуйте, тётя Наташа!

– Здравствуй, здравствуй! Ты не туда пошла. Твоя мама поправляла причёску вон у того зеркала. Я тебе уже об этом как-то раз говорила.

...

– Здравствуйте, тётя Наташа!

– Здравствуй! Опять поздно прибёг? Звонок уже прозвенел. Когда же ты себя в руки возьмёшь?

...

– Здравствуй, Наташа, дорогая! Узнаёшь ли ты меня теперь?

– Здравствуй, Женечка, голубчик мой! Как не узнать!

– Давно мы с тобой не виделись! А ты всё такая же, как и была раньше.

– Что ты! Что ты! Какая уж там такая? А ты, дорогой, к жене, видать, пришёл? Она только что прошла на кафедру. Да, послушай! Сыновей твоих часто здесь вижу. Парни что надо! Обходительные, как и ты. Высокие ростом ребята. Повыше тебя будут. Да! Какое время прошло!

В тот последний раз, в 1985-м году, мы говорили с Ната-

шей долго.

Её левая рука всё лежала на моём плече, глаза улыбались, а седая голова склонялась к правому плечу.

В коридоре было пусто. Шли занятия.

– Наташа, а ты всё ещё помнишь то лето 62-го года?

– Как будто вчера было. Ты в серых брючках и полосатой тенниске. Гарний такой хлопчик был.

– Наташа, знаешь кто ты?

– Знаю. Поломойка я. Дурна да стара.

– Ты для меня, Наташа, есть символ. Не меньше. Ты, Наташа, символ! Ты феноменальный символ, Наташа!

– Выучили вас всякому мудрёному. Баба я и есть баба.

– Это как посмотреть, Наташа.

Да, это она была самым первым человеком, который встретился мне в незнакомом городе.

Это она, закрыв свою «дежурку» на ключ, отвела меня на четвёртый этаж и поместила в угловую комнату, где уже проживали три абитуриента: Саша Феськов – демобилизованный сержант-танкист, Володя Мякинин – демобилизованный старший сержант артиллерии и Валера Нестерко, два года назад окончивший среднюю школу в одном из посёлков области.

Последнюю, четвёртую койку, у двери, занял я.

Два бывших солдата были приземистые и крепкие ребята, а третий высокий и очень худой. Дембеля вели себя степенно и уверенно, а Валера много суетился и много смеял-

ся. Его стараниями через какой-то час был организован стол с закуской и выпивкой.

Новая жизнь для меня началась.

3. Раньше и теперь

Быстро полетели дни, насыщенные новизной.

Новизна была во всём:

в делах, которые мне приходилось теперь выполнять;

в том окружении, которое стало теперь моей средой обитания;

в чувствах, которые я испытывал;

в мыслях, которые набегали в мою голову перед сном — всё было новым.

Новизна начиналась для меня с самого утра.

Раньше всегда ранний подъём был для меня обязателен — впереди ждала рабочая смена. Теперь я сам должен был решать для себя, когда вставать и чем заниматься.

Раньше я усаживался в кабину бульдозера с работающим дизельным мотором. Теперь сижу на мягком стуле в тишине читального зала.

Раньше всю рабочую часть дня я ходил в засаленной, пропахшей солярккой, робе. Теперь весь день на мне лёгкие летние брюки, шёлковая тенниска, а вместо тяжёлых кирзовых сапог — лёгкие сандалии.

И настроение все дни новое, приподнятое. Когда, вро-

де бы, ни с того ни с сего вдруг почувствуешь, что лицо твоё улыбается само собой. Или какой-нибудь бравый мотивчик не выходит целый день из головы.

Всякое новое дело увлекало меня и радовало. Сидеть в читальном зале за отдельным столиком и в тишине погружаться в тексты книг было для меня везением и счастьем. Вот бы мои друзья-работяги увидели меня сейчас!

А совершать ежедневные прогулки по незнакомому городу? Читать названия улиц, следить за их направлением и переплетением. Знакомиться с названиями и местонахождением различных учреждений, магазинов, кинотеатров, столовых, кафе. Обживать аллеи и скрытые в кустах закоулки городского парка. С высокой точки от телевышки любоваться морем и крутыми берегами бухты Нагаева. Прогуливаться перед зданиями музыкально-драматического театра и Первой магаданской школы.

И всё это в одиночку, наедине со своими мыслями и своим восторгом.

Так мне больше нравилось.

Но когда я однажды захотел спуститься вниз, через нагаевский «шанхай» к морю, то Наташа предостерегла меня от такой прогулки.

– Один через Нагаево к морю не ходи. Это самое опасное место в городе. Я там живу и знаю, что там бывает. Чужака там сразу видят и уж в покое не оставят. Если хочешь к морю, поезжай на автобусе от автовокзала к бухте Гертнера. Там

спокойнее.

Теперь целыми днями я был предоставлен сам себе.

4. Новая среда

Новая жизнь пришлась мне настолько по вкусу, что у меня стала появляться настойчивая уверенность в том, что я обязательно стану студентом, что я больше никогда не вернусь к своей прежней работе, к прежней жизни, к прежним местам, к прежним людям.

Если что и вызывало у меня в этот период сожаление, то это потеря тех людей, с которыми я до этого сжился, сработался, сдружился. Та рабочая среда была мной освоена и понята со всеми своими простыми и ясными нравственными установками, которыми она жила. Последние два года мне было в этой среде и уверенно и надёжно. А здесь мне ещё предстояло вживание в новую среду, непохожую во многом на прежнюю.

Во-первых, это была уже не та, чисто мужская, грубоватая и не «шибко грамотная», но надёжная и мне понятная среда. Основной состав моего нынешнего окружения составляло женское общество. Оно целый день мельтешило перед глазами причёсками разного фасона, цветастыми платьями и халатами, оголёнными до колен ногами. Оно громко говорило, громко смеялось, весело напевало или тихо шепталось, напускало разные мины на свои лица или строило глазки.

Во-вторых, новая среда была выше прежней по интеллектуальному развитию. С первых же своих шагов я увидел, что проигрываю по многим направлениям. Увидел, что мне нужно больше читать, больше молчать, больше слушать и запоминать, чтобы дотянуться до их уровня.

В-третьих, мой характер, уже сформировавшийся в определённой среде, не всегда мог быть мне хорошим помощником в предстоящей незнакомой жизни.

Но меня неудержимо тянуло в эту среду.

Это был единственный данный мне шанс не остановиться в своей жизни, не закиснуть, не прозябать, а продолжать жить насыщенно и интересно. У меня уже зародилось внутреннее стремление к этому, меня уже неудержимо понесло в эту сторону, я уже был заряжен большим желанием изменить ход своей жизни.

5. Вступительные

Прошёл период белых ночей. Кончился июнь.

Началась пора вступительных экзаменов.

На каждый свой экзамен я шёл так спокойно и уверенно, как будто кем-то или чем-то всё было давно и заранее predetermined, всё расставлено по своим местам, и мне просто незачем и смешно волноваться. Мой внутренний настрой на экзамены сложился сам собой в соответствии с моим характером и коротко выглядел таким образом: «Должно слу-

читься то, что должно случиться, и это „должно“ наступит независимо от того, буду ли я волноваться или нет».

Поэтому мне нечего было делать в густой толпе экзаменуемых, где горели страсти, где дёргающиеся руки, заведённые под самый лоб глаза, испуганный шёпот: «Я ничего-ничего не помню! Я ничего-ничего не знаю!».

Я выбирал для себя место в стороне от этой наэлектризованной толпы и был похож на абитуриента, сдавшего всё, что ему положено, и теперь спокойно взирающего на всю эту «суету сует». Впоследствии мне пришлось сдавать очень много экзаменов, но подобное состояние устойчиво каждый раз повторялось со мной. С некоторых пор, чтобы не созерцать каждый раз одну и ту же картину, не привлекать к себе внимания, я стал являться на экзамен тогда, когда он уже подходил к своему завершению.

К концу июля институт справился с первым планом своего набора. Все группы были укомплектованы. Я тоже оказался принятым на историко-филологический факультет.

Всех поступивших собрали вместе, поздравили и отправили по домам, для того чтобы мы оформили документы на увольнение со своих предприятий, получили расчёт и попрощались с родными. Вернуться в Магадан нужно было к 1-му сентября, имея при себе осеннюю и зимнюю одежду и обувь для постоянного теперь проживания в стенах студенческого общежития на улице Коммуны. Сразу по возвращении нас ждала поездка на уборку картофеля. Вот таким было

начало витка новой жизни.

6. Из шкафа

Ну а что до чувств, то они были у каждого, и каждый выражал их по-своему.

В день зачисления наше общежитие «гудело» до самого утра. Чего там только не было! Каких чудес не натворил с нами, новоиспечёнными студентами, бум радости, разбавленный алкоголем. Сам я, хотя и искушённый в застольных делах, проснулся на другое утро в нашем платяном шкафу, под упавшей на меня сержантской шинелью Саши Феськова. В разгуле ночных оргий я от кого-то спрятался в шкафу. Да так и уснул там, сражённый большой дозой выпитого, обалдевший от шума, криков, музыки, табачной копоти и чьих то рук, хватавших меня за шею. Меня искали везде, но в шкаф заглянуть не догадались. Гомерический хохот раздался в нашей комнате на следующее утро, когда сами собой открылись дверцы шкафа, и оттуда шагнул в комнату я прямо к накрытому для похмелья столу, за которым восседали уже Саша, Володя и Валера.

Эта проделка открыла собой список курьёзных случаев, имевших место в нашем общежитии за все годы учёбы. А случаев таких будет ещё много, и вспоминать о них будут ещё очень долго.

7. У окна

Я возвращался домой тем же рейсовым автобусом, который преодолевал путь по Колымской трассе от Магадана до Сусумана (600 километров) за 18 часов. Колымская трасса и тогда, и сейчас, через 40 лет – не асфальтированное или бетонированное шоссе, а самая обычная грунтовая, пыльная летом дорога. Только самое её начало, первые 56 километров, путь от города до аэропорта в посёлке Сокол, забетонировано. А остальные 1200 километров до якутского посёлка Усть-Нера так и остались до сих пор грунтовыми.

Я сидел у окна. Место рядом было свободно. За стеклом перед моими глазами медленно сдвигался и уходил назад редкий по красоте пейзаж. Всё сопки и сопки, одна за другой до самого горизонта, крутолобые, неприступные, отделённые друг от друга тёмными, густо заросшими распадками, непроходимыми и непролазными. Дорога полезла вверх на перевал. Горизонт видимости отодвигался всё дальше и дальше, но и там за, дальними далями, выплывали из вечернего полумрака всё те же картины. На вершине перевала дорога сузилась, и стал хорошо виден слева край дороги, круто обрывающийся вниз в далёкое ущелье. Смотреть туда было жутко. Я откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Через несколько минут августовская ночь поглотила за окном и страшный откос, и красивые дали. Мне захоте-

лось тихой песни. Я запел первое, что пришло мне в голову: «А вечер опять хороший такой, что песен не петь нам нельзя...»

Понравилось. Повторил другой, потом третий раз. Каждый раз всё медленней и задушевней. Почувствовал наступающую волну музыкального подъёма. Запел другую мелодию с другими словами. Снова повторил несколько раз подряд. Почувствовал, как в меня входит лирическое состояние, которое я так любил в себе. Душу охватило сладкое беспокойство и сладкая грусть.

Я крепко сжал веки, и тут неожиданно и сразу передо мной возник образ мамы. Я ясно видел перед собой её лицо. Добрые, красивые глаза. Чётко очерченные губы. Улыбка. В волосах седина. Рука тянется к моей голове.

«Я рада за тебя, сынок! Ты будешь учиться! Это то, чего я всегда хотела для тебя. Ты уж постарайся. Постарайся! Все годы до этого мне было страшно за тебя. Пока ты много и тяжело работал, я места себе не находила. Но теперь я успокоюсь. Не сворачивай с этого пути. Я очень этого хочу и буду переживать за тебя. Ведь ты у меня был и есть один. Я никогда не сердилась на тебя и сейчас не сержусь. Так сложилась наша жизнь, что ты остался один. По-другому у нас как-то не получилось».

Я открыл глаза. По спине пробежал холодок. За окном автобуса полный мрак, не считая далёкой мигающей звезды.

8. Самовоспитание

В Магадан я вернулся немного раньше назначенного срока. Не сиделось мне больше в Сусумане. Очень хотелось взяться за новое дело.

Теперь со мной всегда была книга. Ко мне возвращалась моя прежняя, давняя и прочно забытая страсть к чтению.

Вместе с этой страстью ко мне пришла потребность отмечать при чтении тонко отточенным карандашиком те мысли, с которыми мне не хотелось расставаться. Чтобы, прочтя книгу, выписать их к себе в отдельную тетрадь и всегда иметь под рукой.

Сейчас я уже жил под впечатлением одной такой указующей и поясняющей мысли: «Самовоспитание – это сознательная, планомерная, систематическая работа над собой в целях совершенствования или формирования новых качеств собственной личности, необходимых для плодотворной деятельности в настоящем и будущем».

Я страстно вдруг загорелся желанием такой работы. В голове моей носилось много горячих мыслей, и зарождалась уверенность, что это мой путь.

«Самовоспитание как потребность возникает у человека только тогда, когда он сознательно относится к действительности и своим обязанностям; глядя далеко в будущее, намечает план жизни, отдавая себе при этом отчёт в том, что план

этот требует более высокого уровня развития его внутренних качеств».

Каждая строчка и каждое слово были мне в этих мыслях понятны и пробуждали желание действовать.

Приятным сюрпризом для меня стали слова Наташи, которая и в этот раз встретила меня в холле общежития.

– О-о! Наконец! Вернулся! Как хорошо! А мы тебя уже заждались.

9. На картошку

Картофельные поля находились в ста километрах от Магадана.

Это были пахотные земли совхоза «Тауйск».

Рядом с пологим берегом лежало море.

От него местами уходили тихие мелководные лагуны. Уходили далеко, на несколько километров. Их берега поросли невысокими смешанными лесами, скрывающими от людских глаз их водную гладь. Только войдя в прибрежные заросли, можно было увидеть ленту чистой воды, шириной где в пять, а где и в десять метров. Эти потаённые места воспринимались как райские уголки с их девственной тишиной, прозрачной стоячей водой и слегка солоноватым запахом осеннего приморского леса.

Тремя путями добирались в эти края новоиспечённые студенты на уборку картошки. По суше, по морю и по воздуху.

По суше – автобусом, по морю – катером, а по воздуху – маленьким самолётом. В свой первый картофельный раз мне пришлось добираться сюда самолётом.

Для этого нашу группу количеством 15 человек отвезли на машине на 13-й километр Колымской трассы, где базировался аэродром областного значения с поршневыми самолётами и вертолётами. Здесь нас посадили на борт «Аннушки», и мы, взлетев, взяли курс на «Тауйск». Самолёт шёл на небольшой высоте, и то, что проплывало под нами за стёклами иллюминаторов, вызывало у всех нас несусветный восторг. Мы видели сверху осеннюю тайгу большим панорамным пейзажем, от которого нельзя было оторвать глаз. Ничего подобного мне не приходилось до сих пор видеть. Тайга на земле перед твоим взором и тайга с птичьего полёта – вещи далеко не однозначные. Сверху земля была всеохватна и смотрелась красавицей, убранной самыми яркими одеждами, раскрашенными самыми сочными красками, какие только есть в палитре у Природы.

Видя всё это, нельзя было не запеть. Пели все, пели громко, пели с воодушевлением, пели всю дорогу, до самого конца нашего полёта. «А ты улетающий вдаль самолёт в сердце своём сбереги... Под крылом самолёта о чём-то поёт зелёное море тайги».

10. В поле и у воды

Разместили нас в бывшей совхозной конюшне, которую наскоро приспособили под человеческое жильё. Во дворе соорудили длинный навес, а под ним деревянные столы. Рядом с навесом сложили из кирпича большую печь. Дальше шёл сарай для хранения продуктов. И жизнь наша пошла своим чередом.

Первое моё картофельное поле было в длину метров пятьсот.

На поле работал специальный комбайн, который рыхлил картофельные ряды. Каждый из студентов брал на себя по одной вспаханной комбайном полосе. Двигаясь по ней из одного конца в другой конец, с помощью металлической копалки выбирал из земли картофелины и бросал их в ведро. Потом полные ведра затаривал в мешки. Нам объявили нашу дневную норму. Каждый, выполнивший её, мог быть свободным на этот день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.